

Списание ЕПОХИ
Издание на Историческия факултет на
ВТУ „Св. св. Кирил и Методий”
Journal EPOCHI [EPOCHS]
Edition of the Department of History of
St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo

Том / Volume XXIV (2016),
Книжка / Issue 2

ДРЕВНЯЯ ФРАКИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

КРЫКИН С. М.

ANCIENT THRACIAN CIVILIZATION

KRYKIN S. M.

Abstract: The Thracian society developed along and simultaneously with ancient Greek civilization. The urbanized Greeks considered Thracians barbarians. But Thracian society did not compete with them, it simply followed different order and rules. Similar to Scythians and Huns, Thracians formed a specific social and political system of “complex chiefdom” with a peculiar system of values.

A part of the modern scientific literature presented Thrace as a part of an advanced ancient barbaric province, a civilization’s backyard region with savage people and robbers. The contemporary exploration of Scythian and Hunnish territories proved that some nations of antiquity as well as of the Middle Ages could live according different rules. Their societies, settlements, economy, moral values differed from Greek or Roman ones. Rural economy played a leading role in Thracian economy and its development compensated the weakness of extensive farming and cattle breeding. Such type of agricultural economy could not turn into a market economy and this characteristic limited the growth of Thracian society. Their secondary occupations were robbery, fighting, and mercenary.

The Odrisian kings respected the historical experience of Achaemenids and of the Delian league. They managed to put under control some parts of Aegean Thrace and a number of small Greek polices, as well as they tried to superimpose primitive taxes to their subjects. Even when Thrace became a part of the Hellenistic world, the model of Thracian state still recalls Scythian, Hunnish and even, Mongol chiefdom. Only royal cities were political centers of some economic importance. Numerous highland fortresses served only as asylums. Foreign traders served to the aristocracy. The concentration of plentitudes was limited by inconsiderable resources of subsistence farming of the Thracians. Gold and silver were used mostly in cult practice, rather than in trade.

The influence of the Hellenistic world on Thracia was considerable, but only the annexation of Thrace by the Roman Empire fundamentally modified the organization of Thracian tribal society. If one judge on the base of Aristotle’s definition can be said, that only the Greeks and later the Romans built civilizations. In this sense the author think that the Thracians gave birth to a civilization not far developed of the archaic tribal system.

Key words: Thracia – chiefdom – protocivilization – Pistiros – Thracian state

В августе 1968 г. на симпозиуме в Фессалонике знаменитый болгарский антиковед Г. Михайлов позволил себе фразу относительно реалий первой половины I тыс. до н. э.: «Фракия, как и Македония, являлись странами довольно примитивной культуры и могли изменить понемногу свой облик под влиянием греческих колоний...» [Mihailov, G. 1970, p. 76: “la Thrace que la Macédoine étaient des pays d’une culture primitive et devaient changer peu à peu leur physionomie sous l’influence des colonies grecques...”]. Столь «кощунственное» утверждение было возможно до официального рождения особого направления в балканистике – фракологии в 1972 г., учреждения соответствующего академического института в Болгарской академии наук и организации изучения фракологии как особой дисциплины на исторических факультетах в болгарских вузах. Именно тогда появилась целая серия фундаментальных исследований о формировании у древних южных фракийцев ранней государственности – наиболее существенны работы Хр. Данова [Данов, Х. 1969], А. Фола [Фол, А. 1970; Фол, А. 1972], Т. Д. Златковской [Златковская, Т. Д. 1971]. Любопытно, что Г. Михайлов ограничился тогда популярно-описательной книгой, несмотря на отменную фундированность даже не снабженной списком использованной литературы

[Михайлов, Г. 1972]. Естественно, именно советская монография (докторская разработка) выделяется жестким марксистским схематизмом: базис – производственные отношения – надстройка. При этом недостатки подлинно научной информации подменялись логикой стереотипной схемы, при соблюдении которой Фракия рассматривалась как страна с ретроградным, недоразвитым по сравнению с античным полисным миром обществом, сохранявшим древнейшие родовые начала. Т.Д. Златковская основой экономической деятельности южных фракийцев сразу же определила земледелие. Сама же при этом испытывала неуверенность из-за явно недостаточной источниковой базы [Златковская, Т. Д. 1971, с. 30–31]: «Основу фракийской экономики интересующей нас эпохи составляло сельское хозяйство. К сожалению, эта отрасль хозяйства плохо освещена источниками, как письменными, так и археологическими. Поэтому многие стороны сельскохозяйственной деятельности древних фракийцев либо остаются совсем нам неизвестными, либо могут быть реконструированы весьма предположительно на основании косвенных свидетельств». При этом советский этнолог, наряду с болгарскими фракологами, приходит к нелогичному выводу о высоком уровне земледелия у южных фракийцев, даже якобы высокотоварного. Чем же тогда объяснять явную экономическую слабость фракийских племен по сравнению с полисным обществом греков?

Одно из утверждений руководителя болгарских фракологов А. Фола в последнем издании учебного пособия по фракологии вызывает сомнение. Сформировавшееся еще в начале неолита (Караново I) фракийское земледелие в энеолите якобы достигло высокого уровня благодаря использованию водохранилищ и разливов полноводных рек, производя в достатке для населения пшеницу, ячмень, вику, бобовые растения и виноград [Фол, А. 1997, с. 63–64]. А в эпохи средней и поздней бронзы будто бы благодаря успехам бронзолитейщиков наметились подвижки к интенсивному земледелию при возделывании тех же культур, а именно полбы одно- (в болгарском оригинале стоит «едро-«, т. е. «крупно-« - явная невнимательность или опечатка) и двузернянки, ячменя, вики, бобовых и винограда [Фол, А. 1997, с. 73]. Последователь А. Фола Калин Порожанов уделил некоторое внимание вопросу об уровне развития древнефракийского земледелия [Порожанов, К. 1998, с. 149–152; ТД. 1993, с. 113]. Он замечает, что в энеолите кое-где в будущей Фракии земледелие рано возобладало над прочими способами добычи пищи (объект у с. Голямо Делчево, Камчийска Стара планина), однако иногда еще уступало скотоводству и охоте (селище у с. Винаца, Шуменско). Раскопки раннебронзового селища у с. Эзеро, Новогагорско, якобы продемонстрировали, по утверждению К. Порожанова, примерную равноценность земледелия и скотоводства, тогда как Р. Георгиева осталась убеждена в превалировании там земледелия над скотоводством с этого раннего времени и позднее [Георгиева, Р. 1991, с. 92]. Опытнейший полевой археолог Б. Д. Борисов, проанализировав материалы с разновременных памятников в центральной части Верхнефракийской низменности, пришел к выводу о непременном превалировании скотоводства в полустепной части района в отличие от местностей с близостью воды, где аналогично с раннебронзовой эпохи возобладало земледелие – обе тенденции работали даже в римское время [Борисов, Б. 1991, с. 13]. Что касается разновидностей преобладавших злаковых на полях Фракии в неолите и энеолите, то подтверждаются приоритеты пленчатых пшениц-полб (одно- и двузернянки-эммера – *Triticum monocossum* и *Triticum dicossum*) и ячменя, при этом голозерные пшеницы представлены, но предельно скромно [Попова, Ц. 1991, с. 49–53].

О фракийцах эпох поздней бронзы и раннего железного века опорной является информация Гомера [Hom. II. XIV, 122–124; XX, 495; Hom. Od. IV, 761; V, 126, 488–489; VI, 7–10; VIII, 378, 560; XIII, 282–284; XIX, 111–112; XX, 105–109] о возделывании пшеницы и ячменя, не упуская принципиальной оговорки, впрочем, что гарантией урожайности являлись дожди [Hom. Od. IX, 357–358; XIII, 282–284]. Таким образом, еще Гомеру было ясно, что фракийское земледелие было богарным. Кстати, К. Порожанов также справедливо замечает, что античные авторы информируют почти однозначно о южной части Фракии, то есть о северном побережье Эгеиды. Среди злаковых у фракийцев болгарский историк выделяет полбу, пшеницу и ячмень, объявляя их при этом экстенсивными культурами (на контрасте со странами так называемого «Древнего Востока») в отличие от якобы интенсивных винограда, овощей и бобовых. В свое время при явном недостатке подлинных научных данных о древнем земледелии Т.Д. Златковская допускала невероятные для нынешнего времени утверждения [Златковская, Т. Д. 1971, с. 34–35]: «Несмотря на отсутствие пока анализов древнего зерна из раннефракийских археологических комплексов, несомненно, возделывание мягкой пшеницы (*Triticum vulgare* Vill.): вероятно, именно ее имеют в виду античные авторы, упоминая о пшенице. Эта культура была известна племенам, населявшим Фракию еще в эпоху энеолита и в бронзовом веке. Но, вероятно, большее значение имела

твердая пшеница – двузернянка, или эммер (*Triticum dicossum*), более распространенная в древности на Балканском полуострове вообще и резко преобладающая в ранних археологических памятниках Болгарии. Пшеница-однозернянка (*Triticum monocossum* L.) – это полба, о которой с пренебрежением упоминал Демосфен». А теперь что касается якобы интенсивного развития древнего фракийского виноградарства. Поскольку автору этой публикации довелось в 1989 – 1990 гг. частично исследовать донныне самую крупную в римской Фракии винодельню близ нынешнего Кюстендила [**Винокуров, Н. И., Крыкин, С. М.** 1999, с. 57–68], то следует признать новаторами в товарном производстве винограда и вина внутри Фракии (Hinterland) вне эгейского побережья обосновавшихся там римлян. И при этом в соответствии с технологиями Апеннин, а не Балкан. О виноградарстве и виноделии у фракийцев в доримские времена пока, похоже, нет до сих пор неоспоримых археологических данных.

К. Порожанов осторожно считает земледелие ранних фракийцев сравнительно низкотоварным и, таким образом, по причине слабой доходности оно весьма слабо могло влиять на процесс социально-экономического расслоения общества.

Однако это лишь первая робкая попытка расстаться с заблуждением о весьма высокой продуктивности фракийской агрикультуры. Т. Д. Златковская была близка к правильному осознанию сведений античных авторов, но ей, к сожалению, явно не хватило знаний о зерновых культурах. Демосфен в своей речи о положении дел на Херсонесе Фракийском [Chers. VIII, 45] прямо говорит о фракийских зимних ямах-погребках с полбой и просом. Фракийское зерно упоминалось Псевдо-Аристотелем [Oeconom., II, 1351 A], Фронтином [III, 15, 5] и Теофрастом [De caus. plant., IV, 2, 5], причем последний, один из основоположников научной ботаники, заметил характерные особенности условий вегетации: «Фракийское зерно имеет много шелухи и поздно прорастает. Причина того и другого – холода. И поэтому фракийское зерно, даже посеянное рано в другом месте, прорастает и вызревает позднее и наоборот: зерно, принесенное из другого места и там посеянное, поздно прорастает». Речь будто бы шла о фракийской пшенице, однако, французский исследователь О. Жарде, акцентируя на использовании Теофрастом определения *πολυχίτων*, предположил, что речь шла не о пшенице (голозерной, как обыкновенно воспринимают это слово), а о зерновых культурах с твердой оболочкой типа проса или полбы [**Jardé, A.** 1925, p. 13, not. 10]. Плиний Старший [Nat. Hist., XVIII, 69] конкретно называл, возможно в традиции Теофраста, фракийские злаки со многими оболочками (*plurimis tunicis vestitur*) пшеницей. Бесспорно, речь шла о пленчатых пшеницах-полбах. Замечу также, что фракологи без обиняков отбрасывают информацию Помпония Мелы [Pomp. Mela. De chronograph., II, 2]: «Эта земля не благодатна ни своим климатом, ни почвами, которые за исключением приморских частей неплодородны и холодны. Посеянные растения здесь всходят весьма плохо. Фруктовые деревья редки, гораздо чаще попадаются виноградники, однако их ягоды созревают и доходят только тогда, когда виноградари покрывают ее листвой, чтобы спасти от холодов». Так, Т. Д. Златковская [**Златковская, Т. Д.** 1971, с. 40] была просто категорична: «...этот отзыв, несомненно, слишком суров и не отвечает действительному положению». Между тем, указана характерная традиция прикапывать лозу на зиму в традиции италийского виноградарства, в отличие от навыков эллинских балканских крестьян. Информация Помпония Мелы без особых возражений принята лишь Ив. Венедиковым [**Венедиков, И.** 1981, с. 66] о суровости климата глубинной Фракии по сравнению с ее приморской частью (Северная Эгеида), холодах и слабом плодородии почв, что вело к затрудненной и поздней вегетации, и даже плодовых деревьев было мало. Надолго установились давние выводы Хр. Данова, смысл которых сводился к доказательствам высокой товарности фракийского земледелия [**Данов, Х.** 1967, с. 131–139]. Знаменитый балканист призывал не доверять сведениям Демосфена, склонного к информационным спекуляциям в политических целях. Извинить его может тот важнейший момент, что ко времени выхода сборника «Античное общество» (М., 1967) палеоботаника еще не подтвердила наблюдений Теофраста, Псевдо-Аристотеля и Плиния Старшего. Хр. Данов отринул утверждения о возделывании фракийцами лишь низших видов пшеницы, причем для профильных специалистов по истории древнего земледелия это было вполне ясно [**Краснов, Ю. А.** 1971, с. 15–16]. Собранная им информация о плодородии фракийских земель касается исключительно приэгейских территорий, где землю обычно возделывало вовсе не реликтовое население. Нелишне вспомнить информацию Аппиана [Bel. civ., 426–427] о ситуации на мысе Серион близ устья Хеброта (нын. Марица): «...даже при наличии плодородной почвы в древнее время не был населен, поскольку фракийцы не были мореплавателями и не спускались на побережье, опасаясь вторжения со стороны моря. Халкидяне и другие эллины, которые были мореплавателями, его заняли

и привели к расцвету с помощью торговли и земледелия. Фракийцы были довольны совершившимся там обменом сезонных продуктов, пока в конце концов Филипп, сын Аминты, изгнал халкидян и прочих греков и там уже больше ничего не оставалось кроме руин храмов».

Следует подчеркнуть, что картина палеоботанических исследований на древних фракийских землях донныне выглядит более чем странно. К глубокому сожалению, анализ палеоботанических материалов, конкретнее по культурным растениям и, прежде всего, зерновым, по южнофракийским территориям выглядит весьма своеобразно: для основных этапов праистории южной и центральной части Балканского полуострова наглядно формируется карта динамики распространения культурных растений, но данные по территории Болгарии дают реальные представления только до рубежа II – I тыс. до н. э. и затем лишь в средние века [Лисицына, Г. Н., Филипович, Л. А. 1980, с. 5–90]. Таким образом, для земледелия исторических фракийцев обозначилась ситуация *ante quem – post quem*.

На будущих фракийских землях еще в неолите распространились полба-двухзернянка и шестирядный голозерный ячмень (в Крыму, например, возделывали пленчатый), в примеси с ними изредка представлены полба-однозернянка и голозерная мягкая пшеница. В энеолите – те же пленчатые пшеницы и многорядный голозерный ячмень, а мягкая пшеница специально не культивировалась. В эпоху бронзы картина существенно не изменилась, давно известное просо еще не вошло в систему. Стала известна конопля (свидетельствуют отпечатки ткани). Исследуемое уже много лет раннефракийское поселение (рубеж эпох поздней бронзы – раннего железа) на холме Небет-тепе в центре Пловдива демонстрирует доминирование полб – одно- и двухзернянки над какими-то иными пшеницами и ячменем.

Скупая сводка по памятникам раннего средневековья убеждает, что иногда полба-однозернянка опережала по распространению мягкую пшеницу, но более частое и обыкновенно более позднее преобладание мягкой пшеницы сопровождалось посевами ячменя, ржи, овса [Лисицына, Г. Н., Филипович, Л. А. 1980, с. 49–52]. В раннесредневековой Фракии возделывались известные еще с праисторических времен просо, чечевица и горох, выявлен наконец-то лен. Особо следует коснуться вопроса о распространении на южнофракийских землях гексаплоидных *Triticum aestivo-compactum Schiem.* и *Triticum compactum Host.*, а также тетраплоида *Triticum durum Desf.*, то есть сочетаний мягкой и карликовой, карликовой и твердой пшениц. Они были сравнительно редки, возделывались в неолите, изредка в эпоху бронзы и затем только в средние века. В нынешней Болгарии мягкая пшеница представлена 13 разновидностями для разных условий и почв. В старину мягкая пшеница встречалась там реже полбы, причем нередко попадалась в смеси с ячменем. Тем не менее, она засвидетельствована на 5 памятниках эпохи неолита, 8 – энеолита, 5 – бронзы и на средневековых тоже на пяти [Лисицына, Г. Н., Филипович, Л. А. 1980, с. 11, 71].

Необходимо заметить, что зерно составляло необходимую часть пищевого рациона даже у кочевников: например, завтрак многих кочевников являл собой кашу или похлебку из толченого зерна. Так, у степных скифов возделывались ячмень и просо, которые активно применялись, помимо их собственного питания, и в качестве твердых кормов для скота [Гаврилюк, Н. А. 1989, с. 35–36]. В античном Крыму пленчатые одно- и двухзернянка лишь в небольшой степени дополняли посеvy голозерных пшениц, однако позднее и при решительном превалировании популяций голозерной пшеницы пленчатые полбы дожили на полуострове даже до 1920-х гг. Очень похоже, что полбу откровенно предпочитали скифы левобережья Днепра и именно они внедрили двухзернянку в северной части Крыма [Николаенко, Г. М., Марченко, Л. В. 1994, с. 32]. Представляются интересными результаты анализа палеоботанических материалов с ряда меотских памятников Прикубанья [Лебедева, Е. Ю. 1994, с. 108–112]. Среди прочих злаковых решительно доминировало сочетание мягкой и карликовой пшениц – *Triticum aestivo-compactum Schiem.*, часто попадалось просо, изредка *Triticum dicoccum* и *Secale cereale* (рожь, обычно считавшаяся у древних греков сорняком), на удивление редко попадает ячмень и единично – чечевица. Предположительно меоты выращивали мягкую пшеницу для перепродажи через Босфор в Грецию, а просо для себя и своего скота.

Весьма убедительна картина многовековой хозяйственной деятельности в пограничье древнегреческого и фракийского миров, исследованная раскопками в 1975–79 гг. под руководством Б. Хензеля на эталонном памятнике Кастанас в греческой Македонии в устье Вардара. Там на многослойном селище обнаружилось 28 слоев и 9 горизонтов от времени ранней бронзы до II в. до н. э. Древнейшие жители Кастанаса выращивали ячмень и оба вида полбы (*Triticum monococcum* и *Triticum dicoccum*),

что дополнялось местной триады: просо – виноград – инжир. В позднебронзовую эпоху констатировано превалирование пшеницы над ячменем, что якобы обуславливалось возможностями торговли с микенским югом, однако при переходе к раннему железному веку в посевах решительно доминировал ячмень, за ним шли однозернянка и просо [Васић, Р. 1985, с. 242].

Фракологи традиционно преувеличивали возможности древнего земледелия вследствие затянувшегося невнимания к сведениям палеоклиматологии, даже вполне доступная болгарским ученым книга В. Д. Блаватского [Блаватский, В. Д. 1976] поначалу не вызвала заинтересованной реакции. Климат, между тем, со временем менялся и весьма значительно. Так, в течение VIII–IV вв. до н. э. в Средиземноморье было существенно прохладнее (в среднем круглогодично температура на три градуса ниже в течение всего субатлантического периода во второй половине или даже в последних трех четвертях I в. до н. э.) и влажнее, чем сейчас. Античная традиция повествует о сравнительно суровых зимах в VI–IV вв. до н. э., впечатливших греков. В период с конца IV до начала II вв. до н. э. температура постепенно поднялась, не достигнув, впрочем, нынешних показателей, а влажность при этом упала до уровня ниже сегодняшнего времени. Сухое жаркое лето в I в. до н. э. сопровождалось зимними холодами, что вызывало серьезные затруднения в ведении сельского хозяйства и прежде всего земледелия [Подгородецкий, П. Д. 1994, с. 17 и сл.]. Упомянувшееся сообщение Помпония Мелы (II, 2, 2) о неблагоприятности для земледелия условий глубинной Фракии относится как раз к середине этого столетия. Если вести речь о климатических условиях Фракии более раннего времени, то вспоминается рассказ о походе туда на рубеже V–IV вв. до н. э. греческой армии под руководством Ксенофонта (Anab. VII, 4, 3), когда при попытках снабдиться на зимнем марше вином у окрестных финов было замечено, что оно замерзло прямо в сосудах.

Болгарские фракологи определились, наконец, что в древности лишь южные оконечности Фракии располагались в зоне субтропиков, все прочие ее части обладали умеренно континентальным климатом. После похолодания к концу II тыс. до н. э. в XII–IX вв. до н. э. наступил сухой и теплый период, после чего в середине IX–VIII вв. до н. э. снова пришли холод и влага. В VII–VI вв. до н. э. опять пришло потепление, но с начала V и до I вв. до н. э. участились дожди и холод [ЕТ. 1999, с. 72; Блаватский, В. Д. 1976, с. 4]. Климат при этом признается суровее нынешнего с преобладанием в году холодных месяцев. Действительно, флора и фауна мало изменились со времени голоцена [Лисицына, Г. Н., Филипович, Л. А. 1980, с. 7], однако колебания климата не могли не отразиться на ассортименте базовых культур земледелия. В VII – III тысячелетиях до н. э. на землях будущей Фракии возделывались более всего пшеницы и ячмень, а кроме них рожь, просо и овес. С эпохи неолита до бронзы доминировали полба (одно- и двузернянка) и ячмень в нескольких разновидностях. Лишь с эпохи бронзы появился овес, подобно ржи еще очень редкий. Просо распространяется с III тыс. до н. э., сразу потеснив редкие овес и рожь [Лисицына, Г. Н., Филипович, Л. А. 1980, с. 8–15]. На рубеже II – I тыс. до н. э. находки на Небеттепе и с. Разкопаница, Пловдивско; с. Стырмен, Русенско; с. Есеница, Варненско, и др. убеждают в превалировании голозерного и многорядного пленчатого ячменя, а также обеих разновидностей полбы [Лисицына, Г. Н., Филипович, Л. А. 1980, с. 49–50; ЕТ. 1999, с. 73]. Теофраст (De caus. plant. IV, 11, 5) описал многочешуйную пшеницу, которая из-за холода никла и зрела поздно. Плиний Старший [Nat. Hist. XVIII, 7, 70] упомянул о раннезреющей пшенице, возделывавшейся вдоль русла реки Хеброс (нын. Марица), однако тяжелой и отделяющей много отрубей [Венедиков, И. 1981, с. 63 – счёл это сведение следствием селекции зерновых во Фракии во времена Теофраста]. Аристотель [De mirab. auscult. 116] писал об особом ячмене на землях племен медов и синтов в Юго-Западной Фракии, пригодном для людей, но не для животных.

Обстоятельные наблюдения Ю.А. Краснова [Краснов, Ю. А. 1971, с.17–18 и сл.] убеждают, что полбы менее прихотливы, нежели голозерные пшеницы, ячмень же от всходов до колошения обладает коротким вегетационным периодом (38 – 45 дней), выдерживая самый суровый климат, но требуя при этом плодородной и хорошо возделанной почвы [Лисицына, Г. Н., Филипович, Л. А. 1980, с. 14: «Ячмень в целом очень неприхотлив к почвенным и климатическим условиям, он выдерживает достаточно высокий процент засоления (средняя степень солевых выносов), но на хорошо дренируемых, плодородных, аллювиальных почвах, при достаточном увлажнении дает очень высокие урожаи»]. Поэтому ячмень часто превалировал над пшеницами, особенно гексаплоидными. Даже черноземная Добруджа, ныне хлеботородная житница Болгарии, в древности была населена знаменитыми коневодцами гетами, которых греки были склонны воспринимать, во всяком случае, значительную их часть, как подвижных скотоводов. Кстати, возделывались в Добрудже те же полбы [ИД. 1984, с. 29] для обес-

печения гетов привычными для них кашами. Замечу, кстати, что декларированная сельскохозяйственная специализация гетов к северу от Дуная [Никулицэ, И. Т. 1987, с. 184 и сл.] не представляется вполне доказанной. Превалирование ячменя и полб у исторических фракийцев в традиции возделывания зерновых с раннего неолита может рассматриваться как важный аргумент в пользу глобального заключения об отсутствии в доримской Фракии высокотоварного земледелия в частности и даже элементов рыночной экономики вообще. Недавнее открытие мнимого независимого эллинского эмпория Пистирос [Крыкин, С. М. 2014, с. 73–81] в глубине южнофракийских территорий всё же значимо для нас констатацией ситуации, когда эмпоритам реально всё же напротив Фасоса на эгейском побережье в пользование предоставлялись клеры для возделывания и пастбища.

Конечно, фракийцы как соседи греков наблюдали пристальный интерес тех к производству и поставкам зерна. Сохранились скудные сведения о попытках одрисских царей участвовать в хлебо-торговле. Известно любопытное сведение Псевдо-Аристотеля [Oeconom. 1351A 18–32], согласно которому по совету своего зятя Ификрата Котис I для сбора средств на наемников якобы приказал подвластным ему засеять для него сверх обычного по три медимна зерна, дабы собранное с этих делянок затем продать. По утверждению Н. Неделчева [Неделчев, Н. 1982, с. 26; Неделчев, Н. 1996, с. 46–47] три медимна зерна (один медимн являлся основной эллинской мерой сыпучих тел – порядка 52,5 литра, такое количество зерна весило до 40 кг) высевалось на трех декарах земли и это даже при низкой урожайности давало будто бы урожай в полтора центнера. Единственный исследователь, который прежде решил определить урожайность фракийских полей, был Ив. Венедиков, обозначивший у финов на юго-востоке Фракии без всяких расчетов и аргументов 10 центнеров с гектара [Венедиков, Ив. 1981, с. 54]. Однако пассаж Страбона [Geogr. VII, 4, 6] о приличной урожайности плодородных равнин Таврики (Крыма) допускает сбор порядка одной тысячи литров зерна (менее восьми центнеров) с гектара пашни [Блаватский, В. Д. 1953, с. 158–160]. О нормах количества зерна для посева все-таки следует ориентироваться на указание Плиния Старшего [Nat. Hist. XVIII, 198–199], рекомендовавшего готовить по 5 модиев пшеницы или 6 модиев ячменя на один югер земли, то есть на один гектар высевались 3–3,5 медимна пшеницы или 4 медимна ячменя (норма по Цицерону близ Леонтин). У северопонтийских земледельцев урожайность не превышала сам-6 или 7, а ячменя – сам-5 (то и другое приблизительно по 10 центнеров с 1 гектара). Согласно Колумелле [De re rust. III, 3, 4] обычная урожайность в Италии не превосходила сам-4, в то время как на плодороднейшей Сицилии могла равняться сам-12 и даже 15! В. Д. Блаватский вычислил примерную норму участка на одного пахаря на Боспоре в 6,3 га по раскладке свидетельства Колумеллы [De re rust. II, 12, 7; Блаватский, В. Д. 1953, с. 174 и сл.]. В. И. Кузищин [Кузищин, В. И. 1967, с. 43] заключил, что римский раб благодаря кооперации мог обрабатывать до 14–17 югеров (от 3,5 до 6 га) под зерновое поле, тогда как семья свободного крестьянина возделывала от 4 до 14 югеров (1–3,5 га). Таким образом, свободной фракийской общине предписывалось возделывать для своего верховного правителя дополнительно как минимум по 1 га пашни.

В качестве возможных этнографических параллелей возможно привлечение материалов о коренном населении Кузбасса [Аборигены Кузбасса. 1997, с. 25–51]. Телеуты составляли только два хозяйственно-культурных типа – кочевые скотоводы горно-степной зоны и пешие охотники притаежной зоны. В 1912–14 гг. царское правительство принуждало на каждого из их мужчин обрабатывать обязательный надел в 1,5 га для гарантированного пропитания и насаждения навыков культурного земледелия. Любопытно, что еще в XIII в. властители империи монголо-татар пытались привить аборигенам Алтая достижения китайской агрикультуры в результате спонтанно происходившего культурного обмена между Востоком и Западом [Кызласов, Л. Р. 2002, с. 73–88].

Если взять для сравнения показатели раннего советского Алтая с древними фракийцами цифры урожайности зерновых, то вполне подходит статистика Тоштагольского района: с 1 га в 1940 г. – 10,7 ц, в 1950 г. – 6,7 ц, в 1955 г. – 5,6 ц, в 1959 г. – 7,9 ц. Любопытно, что при включении в орбиту экономики Российской империи аборигены Кузбасса расстались с ремесленным производством железа, придомное скотоводство сокращалось, а мотыжное земледелие сменилось огородничеством. Оставались лишь охота и лесные промыслы, рыболовство и ткачество из конопли – кроме меда и кедровых орехов практически все лишь для собственного пользования, вне обмена и рынка. Аналогично включение фракийских территорий в систему сформировавшегося в античном мире рынка потребовало посильного усвоения важнейших греческих и позднее римских технологий, вынуждая при этом древнее коренное население утратить в значительной степени свой самобытный этнокультурный облик.

Следует добавить, что Н. Неделчев считает факт из одной из «стратегем» Полиена [VII, 32] дублетом информации Псевдо-Аристотеля, только лишь вместо трех медимнов предполагалось засеять пять. Между тем еще Хр. Данов [Данов, Х. 1967, с. 136] четко расчленил свидетельства Псевдо-Аристотеля и Полиена: соответственно Ификрат посоветовал Котису засеять по три медимна, а юпарх (ὕπαρχος) Севт предложил одному из преемников Котиса – Керсоблепту приказать всем крестьянам сеять дополнительно уже по пять медимнов. Вероятно, у Одрисов наметилась было традиция включения в рыночную систему классического античного мира, пресеченная, однако, вторжениями войск Филиппа II.

И все же при этом не следовало бы преувеличивать мнимые потенции фракийского земледелия. Прибрежная Фракия была, конечно, плодородной. Живший в III в. до н. э. Аполлоний Родосский в своей поэме «Аргонавтика» [I, 580–630, 793–826] устами царицы Хипсипилы в рассказе Ясону помянул «заснеженную пахотную землю Фракии». Подтверждались давние утверждения Гомера, для которого Фракия была толстопочвенной и матерью овец. Во Фракии Одиссей со спутниками сошли на берег, пили много вина, заклали много овец и быков (Hom. II, XI, 22), после захватили много женщин и добычи. Гомеру и будущая македонская Пиерия показалась прекрасной, а Пеония – толстопочвенной. Похоже, что в его представлении квалифицированное земледелие могло успешно дополнять хорошо развитое скотоводство [Венедиков, И. 1981, с. 31–32]. К тому же вспоминается сакраментальное заключение Геродота [V, 6] будто у фракийцев «возделывать землю было самым позорным делом». Платон [De leg. 885] заметил, что фракийцы по образцу многих варварских племен применяли своих многочисленных жен при обработке земли, для охраны и надзора за скотом, а также в качестве прислуги – почти как эллины использовали рабов. Мужским делом было воевать и грабить в традиции отсталых и скотоводческих обществ, как то заметили для фракийцев все трое великих классических греческих историков. Явно недостаточно развитые ремесла и сельское хозяйство приводили к эксплуатации в производственной деятельности женщин и младших членов семей [Венедиков, И. 1981, с. 50].

Интересная ситуация складывалась близ классического Византия. Еще Полибий [IV, 45] заметил о жителях полиса: «Они владеют очень богатой землей и, когда обрабатывают ее, она дает им изобильные и богатые урожаи». Позднее Цицерон в своей речи против Пизона [In Pis. 35] невольно засвидетельствовал высокую хлебодородность Эгейской Фракии вообще и земель близ Византия в частности. Именно в Византии спартанский наварх Анаксибий заявил представлявшему наемное войско Ксенофону [Anab. VII, 1, 13]: «Еду найдете во фракийских селах. Там много ячменя, пшеницы и других припасов». То же самое наемникам обещал авантюрист Койратад, посуливший им выгодный рейд во фракийскую Дельту близ Византия [Xen. Anab. VII, 1, 33–41] ради той же «большой добычи». Ксенофонт неоднократно обсуждал с нанявшим его Севтом возможность снабдиться продовольствием во фракийских селах [Xen. Anab. VII, 3, 5 et 9]. Ив. Венедиков [Венедиков, Ив. 1981, с. 52–54] подсчитал, что 6 тысяч греков в 10,5 км и еще 12 часах пешего марша от проливов в селах финов за более чем месяц съели порядка 180 тонн зерна в качестве хлебного довольствия, причем прежде всего ячменя. Помимо пшеницы-полбы и ячменя фракийцы возделывали и другие, менее значимые злаковые культуры. Так, в северной части Фракии производилась βριζα – это местное название донес знаменитый римский медик Гален [De alim. facult. I, 113] и оно могло означать считавшуюся у греков сорняком рожь [Венедиков, Ив. 1981, с. 63]. Наблюдения палеоботаников [Лисицына, Г. Н., Филипович, Л. А. 1980, с. 14] показывают пока, что традиционная для средневековья *Secale cereale* L. единично отмечена во Фракии в эпохи неолита и бронзы. Сейчас на Балканах ее высевают на высоте не ниже 1200 – 1250 м.

Упомянутое в сердцах Демосфеном фракийское просо местами оказывалось базовой культурой – Ксенофонт [Anab. VII, 5] писал о «просоедах»-мелинофагах в горах Странджи, причем наемники презрели это сомнительное с их точки зрения угощение даже в сравнении с ячменем. Атений [IV, 131a] донес ироническое замечание комика Анаксандрида о женитьбе афинского стратега Ификрата на дочери Котиса I – при этом приданое фракийской принцессы якобы составили «два табуна буланых лошадей, стадо коз, подземное хранилище с луком и пифос проса». У Ив. Венедикова в его сводке о древнем фракийском земледелии [Венедиков, И. 1981] обозначены почему-то «два табуна белых коней», тогда как в оригинале стоит обнипт – то есть речь явно шла о буланых (или гнедых) лошадях [Мартемьянов, А. П. 1993, с. 25].

Действительно, просо – *Panicum miliaceum* L. распространилось у фракийцев с эпохи бронзы. Еще палеоботаники заметили окультуривированный когда-то в эпоху бронзы прежний засоритель посевов

полбы-двузернянки овес – *Avena sativa*. В разряде технических культур во Фракии возделывались лен и конопля. Лён (*Linum*) изредка был представлен на Балканах в отличие от стран Ближнего Востока, где он наряду с пшеницей и ячменем составлял классическую земледельческую триаду (на Балканах в аналогичной триаде его замещали бобовые культуры) [Лисицына, Г.Н, Филипович, Л. А. 1980, с. 15 – 20]. Среди дикорастущих травянистых растений во Фракии замечены и коноплевые (*Cannabaceae*). Для греков сбор конопли казался делом довольно странным – так, Геродот [IV, 74] в своем описании Скифии заметил интерес скифов и фракийцев к использованию конопли (*Cannabis sativa*): «В скифской земле растет конопля, которая очень похожа на лен не только по высоте, но и по толщине стебля. В этом отношении конопля далеко превосходит лен. Она растет как дикое растение, хотя ее можно и сеять. Из нее фракийцы делают одежду, которая очень похожа на льняную, так что тот, кто не распознает их, с трудом распознает из льна материя или из конопли. Кто никогда не видел коноплю, принимает материю за льняную».

В Эгейской Фракии имелись прекрасные условия для развития виноградарства и еще Гомер [II, IX, 65–75; Od. IX, 196–211] отмечал наличие совершенного виноделия на южнофракийском побережье, называя вино киконов черным, сладким и благоуханным. Позднее Фукидид [IV, 84–88] отметил ужас населения полиса Аканфа перед лицом вероятной потери урожая винограда, аналогично и жителей Стагиры. О сладких видах вина писал Атений [I, 31 a], уточняя при этом, что знаменитое библинское вино производилось в районе Ойсиме в Юго-Западной Фракии. Правда, описываемые им же способы приготовления и ароматизации вин типа добавок морской воды, или мучной смеси на меду, либо незрелых ягод вызывают сейчас некоторые сомнения. Сомневаются, например, Ив. Венедиков [Венедиков, И. 1981, с. 100] и Р. Георгиева [ЕТ. 1999, с. 84], однако их скепсис не разделяет известный российский специалист по античному виноделию Н. И. Винокуров [Винокуров, Н.И. 1999, с. 164–165], ссылаясь на информацию знаменитого агрария Катона [Cato, 23] и античного же комментатора Дидима [Geop. VII, 24]. Античные виноделы для придания своей продукции большей устойчивости действительно применяли изощренные добавки. Отряд Ксенофонта [Anab. VII, 4, 3] во время зимнего похода снабжался вином у финов, причем оно даже замерзало в таре. Позднейший лексикограф Гесихий привел фракийское слово жейлб для обозначения вина, все фракийцы кроме немногих горцев пить вино любили, на чем акцентировали Элиан [Var. Hist. 3,15] и Атений [X, 442 e–f; XII, 531e – 532a; Венедиков, И. 1981, с. 64–66], не смешивая его с водой на эллинский лад, и пьянство их было пословичным, однако, как правило, не от собственной продукции. Ксенофонт [Anab. VII, 3] и Платон [De leg., 637] описали колоритный фракийский обычай выливать на себя капли вина, оставшиеся после возлияния. Помимо чествования гостей и хозяина по случаю приема, обряда братания, поминок и погребения пили еще за плодородие, отчасти воспринимая капли вина как кровь [Георгиева, Р. 1991, с. 25–31; ЕТ. 1999, с. 84–85]. Кроме увлечения винопитием фракийцы практиковали знакомство со злаковыми напитками: βρωτον и παραβη. Приготовленный из ячменя британ именовался еще ячменным вином, тогда как парабия производилась из проса с добавками ароматических трав [Athen. X, 447 b–d]. Разновидность пива британ потреблялась фракийцами из сосудов, в которых оно зрело [Венедиков, И. 1981, с. 93–94; ЕТ. 1999, с. 85]. Если в соседней Иллирии готовили напитки из меда [Arist. De mirab. auscult., 22], то во Фракии это тоже было естественно. Возможно, фракийцы применяли кикеон (κικεον) – применявшееся мистами во время религиозных празднеств галлюциногенное питье [ЕТ. 1999, с. 85]. Для изготовления его использовали ячмень, свежую мяту и растворенный в воде мед.

Кстати о меде – единственном в древности сладком продукте. По утверждению Полибия [IV, 38] земли близ уже упоминавшегося Византия славились своими медом и воском. Согласно Страбону [VII, 3, 3], некоторые придунайские мезы питались из благочестия сугубо медом, молоком и сыром. Аристотель [De mirab. auscult., 19] различал фракийский мед от лидийского по плотности и виду. О способах добычи и его применении данные отсутствуют, однако бортничество до недавнего времени наблюдалось в Родопах.

Казалось бы, во Фракии имелись условия и для садоводства [ЕТ. 1999, с. 66–67] – по Теофрасту там произрастали в диком состоянии: инжир, грецкий орех, каштан, кизил, черешня, яблоня, груша. Теофраст [Hist. plant. III, 3, 1–2] заметил при этом: «Все растения, которые общие для гор и равнин, на равнинах бывают больше размером и более привлекательные внешне, однако горные разновидности более качественны при использовании их стволов и плодов. В подобном сравнении исключение составляют лишь груша и яблоня. На равнине они имеют не только качественные плоды, но и хорошо

развитый ствол, тогда как в горах они мелки, терпкие на вкус и покрыты колючками». По поводу дикого кизила Теофраст пишет о его реальном потреблении: «Жители Македонии говорят, что растут два подвида кизила – мужской и женский, однако на женском плоды не съедобны». Еще он [Theophr. Hist. plant. IV, 5, 1–2] упомянул каштан, однако речь явно шла о несъедобном конском каштане. Наконец-таки среди съедобных растений преемник Аристотеля [Hist. plant. IV, 9, 1] назвал водный орех, столь популярный в наших среднерусских лесах в эпоху неолита: «Водный орешек не растет во всех реках и не всюду, а в болотистых местах рек, к тому же на большой глубине, пять и немногим более локтей, каков случай со Стримом (нын. Струма). На поверхности воды не видно ничего кроме его листов, которые словно бы плывут наверху и закрывают сам орешек».

Похоже, что специальных садов у фракийцев не было: Помпоний Мела [II, 2, 16–18] – «Плодоносные деревья редки»; Овидий [Ep. 3, 10] – «Страна не ведает плодов...», но речь, правда, идет о районе Том; он же [Ep. 1, 3, 54–56], – «Здесь почва не рождает ни фруктов, ни сладкого винограда» и «Куда не посмотришь, всюду простираются поля, нетронутые человеческой рукой, и пустая земля, которой никто не ищет» – хотя Овидий и явно преувеличивал.

Посевы ячменя и полб дополнялись у фракийцев бобовыми культурами, причем прежде всего черными бобами, которые нынешние болгары называют «бакла». Теофраст [Hist. plant. VIII, 9, 1] писал о бакле в Филиппах, иссушенной на тамошнем ветру и потому неподатливой при варке. Если Котис I действительно дал за дочь в приданое кроме прочего склад с луком длиной 12 локтей, то есть примерно 5,5 м [Athen. IV, 131 a], то репчатый лук потреблялся фракийцами в изрядном количестве [Demost. VIII, 43–45]. Видимо, имелся в достатке и чеснок, если уж Аристофан [Acharn. 160–172] помянул вонявших чесноком одомантов. Палеоботаники добавляют горох (*Pisum sativum* L.) и чечевицу (*Lens esculenta*) [Лисицына, Г.Н., Филипович, Л.А. 1980, с. 15, 51].

В древности вдоль всего Эгейского побережья от Халкидики до Босфора бытовала маслина. Теофраст [Hist. plant. IV, 14. 12] замечал: «Иногда маслиновые деревья, хотя и с выгоревшими и иссохшими листьями, снова прорастали, прежде чем их удалят. Это часто случается в некоторых местах, как и в Филиппах». Трудно понять, что имел в виду Павсаний [X, 13. 1–3] при описании охоты на зубров у западных фракийцев-медов и пеонов с помощью смазанных «древесным маслом» перед ямами-ловушками. Так или иначе, во внутреннюю Фракию оливковое масло могло поступать только с более южных территорий, где произрастали маслины [ЕТ. 1999, с. 86]. Даже соль поступала в долину Струмы (др. Стримон) экспортом из Эллады [Tit. Liv., 45, 29]. Распространенный в античности уксус, прямо связанный своим происхождением с винопроизводством, мог поступать к фракийцам параллельно с вином.

Как оказалось, не только Родос славился своими розами и фракийцы, задолго до освоения розопроизводства в Казанлыкской долине в Болгарии поры османского владычества, могли на Эгейском побережье ими пользоваться. Теофраст [Hist. plant. VI, 6, 4] конкретизировал: «Говорят, что есть розы, которые называются столлистыми. Этих роз особенно много возле Филипп. Жители этого города берут их у Пангея и потом высаживают. Внутренние их листочки очень мелкие. Этот вид розы не благоуханный и не крупный».

Наряду с Македонией Фракия славилась в древности лесами [Венедиков, И. 1981, с. 69–70], что позволяло заниматься лесными промыслами. Следует выделить информацию Теофраста [Hist. plant. III, 3, 1–2 и 9, 2 – о Македонии; V, 4, 5, 1–2 – севернее, на фракийских землях]. Геродот [VII, 111] писал о лесном святилище сатров в Родопах. Фукидид [II, 98] помянул леса в горах Керкине где-то возле Струмы. Аппиан [Bel. civ. IV, 431–432] описал проникновение войск Кассия и Брута через лесистые Сапейские горы с помощью одного из фракийских царевичей – это было где-то от гор Пеперуда до гор Арда. Тит Ливий [XXX, 40] писал о лесах между Кипселой и низовьями Марицы (др. Хеброс).

И все-таки главным в хозяйственной деятельности фракийцев было иное дело, причем явно не земледелие, как то в магистральной традиции фракологии утверждает украинский балканист А. П. Мартемьянов [Мартемьянов, А. П. 1989, с. 65–70].

В качестве добычи после удачных для себя столкновений с фидами наемники заполучили 1 тысячу рабов, 2 тысячи быков и 10 тысяч овец [Xen. Anab. VII, 3, 48], а позднее в качестве расчета Севт предоставил им вместо обещанных за месяц 30 талантов металлом всего один талант, но еще 600 быков, 4 тысячи овец и 120 рабов [Xen. Anab. VII, 7, 53]. Ив. Венедиков [Венедиков, И. 1981, с. 71] предположил, что это сравнительно небольшое количество рабов и голов скота греки получили из беднейшей области ме-линофагов-просоедов [Xen. Anab. VII, 5, 12]. Скот и являлся основным бо-

гатством фракийцев, тогда как зерно лишь весомой добавкой в пищевой рацион. Вместе с тем нельзя не согласиться с авторами «Этнологии фракийцев», что у древних балканцев, как даже и у классических номадов – степных скифов, растительная пища решительно преобладала над мясной [ЕТ. 1999, с. 80–81]. Как и скифы, фракийцы могли выбраковывать свои стада и активно питаться мясом главным образом осенью и зимой. А греческое войско пришло на помощь Севту именно зимой. Между тем традиционные для фракийских земель эпох энеолита и бронзы ямы-зернохранилища в жилищах и возле них в I тыс. до н. э. встречаются гораздо реже. Вместо вероятных очень древних корзин, обмазанных глиной и потому не сохраняющихся, использовали пифосы (долии). Специальные амбары, как и тайные скальные погреба-сирасы типа упомянутого Анаксандридом [Athen. IV, 131 a], пока археологически не выявлены [ЕТ. 1999, с. 87]. И все же при явном отсутствии высокотоварного земледелия признаком материального благополучия было обладание большим количеством скота, а престижно значимых материальных ценностей у рядовых фракийцев-общинников было очень мало – вот почему Севт не имел шансов рассчитаться с наемниками обещанными металлическими деньгами и обман предполагался с самих обещаний, Ксенофонт это осознал вполне, но было уже поздно. На его глазах одрисский парадинаст практиковал заменявшее элементарное для любой государственности налогообложение полюдь, причем пир с участием Ксенофонта и группы избранных командиров являлся проявлением примитивного «кормления» – *догосударственной* формы эксплуатации подвластного населения. Странно, что бывалый и наблюдательный греческий военачальник так просто поверил посулам варварского вожда, сам наблюдая специфику образа жизни южных фракийцев.

Болгарские фракологи упорно склонны видеть у своих древних предков свои самобытные города, государственность и даже цивилизацию. Так, Д. Николов, ранее призывавший близ курганных групп фракийцев искать остатки резиденций местной аристократии в центре принадлежавших ей латифундий, недавно попытался максимально «удревнить» фракийские «города», воспринимая как города древнейшие открытые археологами городища [Николов, Д. 1991, с. 83–89]. О фракийских протогодах и о подобии государственности автор этих строк уже высказывался [Крыкин, С. М. 2002, с. 101–113], продолженный поиск приводит к еще более скептическим выводам.

Система «престижной» экономики предполагала массовые пиры и раздачи (Ксенофонт участвовал в таком «перераспределении» на пиру). В отличие от земледельческих цивилизаций источниками обогащения фракийской элиты являлись не редистрибуция и налогообложение. Ментальность и система ценностей древних балканцев соответствовали представлениям обычных скотоводов, таких как скифы или хунну. Особую значимость обретает крупная публикация Н. Н. Крадина [Крадин Н. Н. 2002], в которой содержится богатейшая информация о скотоводах древних и вообще, предложены принципиально новые для российской историографии теоретические подходы. Вызывают удивление броские параллели во многих сторонах жизни хунну и южных фракийцев, хотя последние номадами в большинстве не являлись.

Изначально концентрация богатств скотом была лимитирована экологией. Скотоводы были склонны добывать себе продукты земледелия и ремесел оружием, для чего сплавивались и были ориентированы на внешние доходы. Именно это объясняет постоянные наскоки и прессинг на соседние фракийцам греческие колонии по берегам морей, так, находившийся все же на берегу Эгеиды посреди фракийских территорий эмпорий Пистирос охранял свою целостность официальным договором с местной элитой под патронатом одрисского царя [Велков, В., Домарадска, Л. 1995, с. 75–87; Mihailov, G. 1997, № 5557ter, p. XLII–XLIV, 244]. Добыча являлась доходом для обычного скотовода, будучи более желанной, нежели представителю племенной верхушки. По этой причине греки апеллировали к фракийской элите в моменты осложнений. А сама элита довольствовалась особым способом эксплуатации колонистов – данничеством.

В то время, как у оседло-земледельческих прото- и ранних государств были очень важными управленческо-редистрибутивные функции, скотоводческая элита себя этим не утруждала. Исключения составили рассмотренные эпизоды с Котисом I и его преемником о посевах для них каждой фракийской общиной лишних 3 или 5 медимнов зерна, что в идеале вынуждало дополнительно засеивать лишний гектар пашни. Для отдельной семьи это было бы слишком много, а для общины, сохранявшейся у южных фракийцев даже в провинциях Римской империи, вполне посильно. Геродот [V, 6] воспроизвел характерную черту ментальности фракийских племен – грабить, но не мирно трудиться: «Человек, проводящий время в праздности, пользуется у них большим почетом. Напротив, к земледельцу они

относятся с величайшим презрением. Наиболее почетной они считают жизнь воина и разбойника». Н. Н. Крадин заметил, что седентаризация и занятие земледелием являлись для истинных скотоводов следствием бедности. Скотоводство и рабство слабо совмещались у истинных скотоводов в отличие от ситуации у древних греков и римлян (так, легендарный Спартак активно использовал в своей армии пастухов, многие из которых до этого являлись рабами). Компактная масса скотоводов (степных скифов, например, чьи курганы исследованы тысячами) содержала весьма скромный процент бедноты – 6 – 8%. Отношения между верхушкой и рядовыми общинниками у скотоводов были особо ритуализированными. Вообще экономика ранних «государств» была не столько «политической», сколько «моральной» – поэтому были важны ритуальные церемонии и сакральная деятельность правителя (фракологи находят это и у Одрисов, хотя, похоже, чрезмерно превознося религиозные установки и полномочия фракийской знати). Критике явных заблуждений и преувеличений в болгарской фракологии посвящено собрание статей Н. Неделчева [Неделчев, Н. 1996]. К сожалению, эти рецензионно-деструктивные статьи почти не содержат обоснованных альтернативных ответов на поставленные вопросы. Однако скоро в том же городе было издано глубоко фундированное исследование Ив. Христова [Христов, И. 1999], идущего от источников к обобщениям без предварительно заготовленных схем.

Основой доходов Одрисов, как и шаньюев хунну, были поступления извне. Одрисская держава являлась имперской конфедерацией, слабейшей частью политического механизма которой являлась связь между племенной верхушкой и наместниками из центра (наемники Ксенофонта оказались вовлечены в процесс насильственного восстановления такой связи и сам бывалый эллин оказался обескуражен превращением разбитых и подчиненных финов в «друзей» Одриса Севта). Институт «престижной» экономики предполагал наделение подарками племенных вождей, эта церемония и означала наделение также частью харизмы. Так, правители гетов и трибаллов получали часть сакральных сокровищ Одрисов, и те в результате попали в гробницы этих правителей. Взаимообмен подарками, с трудом воспринимавшийся Ксенофонтом на пиру у Севта, являл собой и средство надлокальной коммуникации. Сам вождь при этом олицетворял себя консолидирующим центром социума.

Как это убедительно продемонстрировал Ксенофонт, в «престижной» экономике у одрисов вместо товарно-денежных отношений действовали отношения личные. Манипулирование «дарами» больше напоминало у них реципрокцию, нежели редиистрибуцию.

Если рассматривать основные предпосылки формирования ранней государственности – экологию, демографический оптимизм, рост прибавочного продукта, развитие ремесел, то экстенсивная экономика, как и у кочевников, не предусматривала сколько-нибудь легитимизированной иерархии. Емкость экологической зоны ограничивала сферу простого воспроизводства, и, если номады образца хунну или степных скифов приближались к опасности экологического стресса, то и фракийцы (трибаллы, например, упомянутые Диодором [Diod. XV. 36, 1–4] при описании их «голодного» похода массой до 30 тысяч человек на Абдеры в 376 г до н. э.), ощущали его в неменьшей степени. Античные эллины с некоторым удивлением информируют о склонности южных фракийцев и их соседей пеонов к полигамии, а также о любопытном обычае продавать в рабство (надо полагать, своим южным соседям – грекам) своих детей. Сразу несколько свидетельств об этом собрал Ив. Венедиков [Венедиков, И. 1981, с. 45–52], ссылаясь на пассажи у Геродота, Платона, Аристотеля, Страбона, Помпония Мелы и Солина. Правда, как эта полигамия реально осуществлялась в условиях однокамерных, лишенных внутренних перегородок фракийских жилищ – вопрос курьезный и это само по себе является прямым намеком на замеченную пронизательным Г. Михайловым «фабулярность» античных источников о фракийцах и Фракии.

Кстати, семьи фракийцев бывали, все-таки, достаточно многолюдными, что доказывают данные археологии. Так, на месте цитадели Шумена в раннем железном веке (гальштате) располагалось фракийское поселение [Антонова, В., Попов, Н. 1984, с. 160–184]. Эти фракийцы обитали в более чем скромных прямоугольных жилищах, в различной степени заглубленных в землю (полуземлянки решительно преобладали над землянками и постройками на поверхности). Утлые хижинки плетнево-столбовой конструкции были обмазаны глиной и перекрыты соломой, на глинобитных полах выявлены глинобитные же печи или очаги. Из 14 исследованных жилищ с полностью зафиксированными размерами (площади полов и контуры стен со следами забитых колов) девять имели от 20 до 30 кв. м, а прочие пять приближались от 30 до 40 кв. м. И, таким образом, семьи гальштатских фракийцев достигали 6–7, а то и порядка 8 своих членов, при этом семьи располагались в солидном удалении одна от другой. При наличии в семьях пяти и более выживавших вскоре после рождения детей принято

фиксировать демографический взрыв с последующими последствиями для окружающей среды. Прокормить такие семьи было не просто и при сравнительно малой производительности сельского хозяйства северных соседей эллинов и те уже в свой одрисский период, практически параллельный классической эпохе греческой античности, значительно уступали им демографически.

Если довериться заключению А. Фола о вероятности утращения численности населения Фракии в римский период, идя условно от 800 тысяч – 1 миллиона фракийцев времени Ситалка, то это можно связывать только с внедрением навыков принципиально новой, товарной экономики по сравнению с более жестко лимитированной экологией «престижной» (по образцу усредненного расчета оптимума по Н. Н. Крадину для кочевников – 36 голов мелкого рогатого скота на одного человека при минимуме 19 голов). Урбанизм для такой экономики вообще практически невозможен. Археологами выявлены пока только два «царских» фракийских города Одрисов – Севтополь и Кабиле, причем в полностью раскопанном Севтополе при царской резиденции жили не более 40 семей – надо полагать это была и дружина-охрана, и подобие государственного аппарата. Для примера – молодому Чингису в его ставке поначалу хватало всего 26 человек. Палаточно-шатровую «ставку» гуннов можно примерно представить, вспоминая чингисову «Ясу». Царскую же ставку Одрисов середины IV в. до н. э. описал Атеней [XII, 531–532], имея в виду Котиса I: «Он объезжал свою страну и там, где замечал места, тенистые и снабженные водой, сооружал постройки для пиров. И всякий раз, когда он вновь до них добирался, то приносил жертвы богам, общался со своими приближенными и чувствовал себя счастливым и довольным». Налицо система полюдья.

Только благоприятная экология позволяла скотоводам добиваться роста прибавочного продукта, определенного развития ремесел и ощутимого демографического роста, однако экстенсивная экономика не породила «сколько-нибудь легитимизированной иерархии» и не способствовала созданию собственной государственности без импульсов извне. Вспоминается интересное наблюдение Тацита [Ann. III, 38] о руководстве ополчением горных фракийцев выборными полководцами, причем не отличавшимися знатностью. Другой пассаж Тацита [Ann. IV, 46] еще важнее для характеристики конфедеративного устройства южнофракийской «государственности»: будто фракийцы гор подчинялись царям лишь по желанию и посылали отряды со своими вождями лишь против своих соседей, римляне они пугали сопротивлением в неприступных горных крепостях.

И опять о похожести политического устройства обществ хунну и фракийцев: очень интересен тезис дальневосточного этнолога: «степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации», что вело к их системной позиции в качестве «полупериферии» для практики дистанционной эксплуатации. Военно-политическая мощь государств во главе со скотоводами зависела от таланта их лидеров, причем «общение» кочевников с земледельцами неизменно чередовало набеги и обмен. Базовая территория «варварской империи» являлась «метрополией» раннегосударственного объединения лишь по причине своего военного превосходства. При этом все необходимые «центру» и особо нескотоводческие ресурсы добывались посредством грабежей, войн и контрибуций, вымогания «подарков», неэквивалентной торговли, данничества и т. п. Именно это наблюдал Ксенофонт у одрисов по отношению к финам и другим подчиненным приморским племенам к востоку от базовой одрисской территории в бассейне о. Хеброс (нын. Марица). Среди признаков «кочевых» империй выделяется также система наследования власти ханским родом-кланом с институтом соправительства и участием совета знати-курултая. Интересно, что Одрисы во главе своего эфемерного «государства» являлись именно выросшим из своего племени правящим кланом. Это заметил Ксенофонт, как и то, что ведомое им 6-тысячное греческое войско два месяца служило будущему одрисскому правителю Севту II пока еще в бытность им парадинастом – первым эту «должность» заметил Фукидид [II, 97, 3]. М. Тачева [ТД, 1993, с. 207] предложила почти альтернативное истолкование этой государственной институции. Возможно, это были члены царского клана, назначенные наследственными наместниками на подчиненные территории с правом почти самостоятельного правления вплоть до собственной эмиссии. Иначе же это могли быть сторонние династии, входившие в царский совет и исполнявшие военно-административные функции по образцу более поздних стратегов и в традиции ахеменидских сатрапов.

Болгарский историк Н. Неделчев подметил, что Одрисское царство получило признание только благодаря военному дарованию правителя Тереса и завоеванию им сопредельных территорий, что и

обозначило его как бы первым царем Одрисской династии и предположительную дату учрежденной им «государственности» [Неделчев, Н. 1997, с. 147–154]. Позднейшая независимая «Одрисская» Фракия явно отличалась от ранней: любопытно, что среди трех восставших племен именно одрисы попытались уничтожить одного из последних «Одрисов», союзного римлянам [Tac. Ann. IV, 46–51].

Вымогание «подарков» напрямую было связано с угрозой набегов. Даже рядовые фракийские общинники были склонны грабить эллинских земледельцев и торговцев, которые были вынуждены обращаться за гарантиями безопасности к фракийской элите. Кратко описанный Фукидидом [II, 97–101] грандиозный (якобы участвовали до 150 тысяч фракийских воинов!) поход Одриса Ситалка через Пеонию в Македонию в 429 г. до н. э., совершившийся всего за месяц, более всего похож на набег с целью устрашения и уж никак не завоевание. Кроме захвата сравнительно скромных зимних запасов пеонов и македонян после восьмидневного пребывания на Халкидике Ситалка и его союзники не могли претендовать на большее с экономической точки зрения, однако масштаб нашествия запомнился современникам. Спустя несколько лет акция Ситалка против фракийцев же трибаллов завершилась для него гибелью. Присоединить или подчинить Одрисам столь удаленные от их базовой территории области оказалось невозможным, собственная племенная верхушка пеонов, македонян и трибаллов возглавила сопротивление и пресекла честолюбивые политические амбиции Ситалка. Позже македонские Темениды Филипп II и Александр III сумели решительно превзойти Одрисов, создав первичный экономический потенциал разраставшейся Македонской державы захватом золотоносного Пангея и ежегодным выкачиванием оттуда до тысячи талантов золота вместо прежде добывавшихся былыми хозяевами эдонами восьмидесяти [Марфуни, А. С. 1987, с. 31].

Помимо военной добычи плюс к собственной хозяйственной деятельности доходы «ранних варваров» могли множиться и за счет налаженной торговли. В 1990 г. на третий год раскопок у городка Септември близ расположенного вблизи с. Ветрен Пловдивской области Болгарии была найдена стела с текстом договора середины IV в. до н. э. на греческом языке. Жители будто бы располагавшегося там, возле Септември, эмпория Пистирос оказались вынуждены документально узаконить условия своих отношений с верхушкой одрисской Фракии в лице одного из трех поделивших ее преемников (Аматока [Mihailov, G. 1997, № 5557ter, p. XLII–XIV, 244]?) убитого в 359 г. до н. э. Котиса I. Начатый клятвой именем Диониса декрет сохранил ряд интересных положений.

«Если один из эмпоритов обвинит другого, то судиться им друг с другом у своих родственников, и если что-то задолжали эмпориты у фракийцев (παρά τοις Φραξ[ί]ν), то отмене этих долгов не бывать».

«Земля и пастбища, которые принадлежат эмпоритам (γῆν καὶ βοσκὴν ὅσῃν ἔχουσιν ἐμπορίται) – это не подлежит отнятию».

«Эпаулистов (ἐπαυλιστάς) не посылать к эмпоритам».

«Не назначать никакой гарнизон в Пистирос».

«Клеры пистиренцев не обменивать и не поручать другому лицу».

«Собственность эмпоритов не отнимать ни самому (правителю), ни его людям».

«Не взимать пошлины на дорогах, которые ведут к Маронее от Пистироса и от эмпориев или из Мароней к Пистиросу и в Беланские эмпории прасенов».

«Эмпоритам открывать и закрывать повозки».

«Одновременно и как при Котисе: мужа маронейского (ни одного) ни повяжу, ни убью, ни лишу имущества, причем ни при жизни, ни после его смерти, и ни я сам и никто из моих людей» – это касается и аполлонийцев, и фасосцев.

Текст договора некоего преемника Котиса I с жителями Пистироса прочтен и разобран болгарскими антиковедами [Велков, В., Домарадска, Л. 1995, с. 75–87], при этом даже их предварительные комментарии содержат немало интересного. Может быть, действительный эмпорий Пистирос был основан всё же на окраине фракийских земель, тогда как в последней четверти V в. до н. э. в самом центре Фракии появился иной по названию город, гораздо более (пятикратно) крупный, нежели знаменитый Севтополис. Но там и здесь явно соседствовали фракийцы и греки в понятно разных соотношениях.

И весьма важным является признание того факта, что в 336 г. до н. э. во время карательного похода армии Александра против трибаллов в одном из ущелий Хемуса македонян попытались задержать «множество эмпоритов (в переводе исследователей городища у городка Септември) и независимых фракийцев», как о том писал спустя века Флавий Арриан [Anab. I, 1, 6]. Издатели переводов Арриана сошлись было во мнении, что слово ἐμπορίων являлось corruptela от ἐγγυρίων – «туземцев».

Например, в русском переводе М. Е. Сергеенко [Арриан. 1993, с. 50] содержится близкое по контексту – «горцев». Арриан повествует, что горцы намеревались неожиданно спустить с круч на проходивших воинов Александра свои многочисленные повозки и безуспешно осуществили свою затею. Может, среди них были и упомянутые в тексте договора упряжки (асс. – *tás áμαξ[ας]*) «эмпоритов»(?) – не следует, впрочем, путать эмпоритов с торговцами-«эмпорами» и это порождает сомнения в правильности истолковании исторического эпизода.

Сакцентрирую, правда, ещё раз, что реально текст договор был найден на руинах римского времени (некая крепость существовала и в средние века) у с. Ветрен. А раскопки ведутся уже более четверти века у городка Септември, на гораздо более древнем городище, в нескольких километрах отсюда, и происхождение стелы именно отсюда, с этого городища, более чем спорно. Реальный исторический Пистирос располагался в Эгееде напротив Фасоса. Болгарские блогеры Димитър Делийски (<http://dimitardeliyski.blog.bg/technology/2010/12/07/quot-emporion-pistiros-quot-ne-e-emporion-pistiros.646877>) и Горан Йонов успешно опрокидывают построения М. Домарадского и его окружения о существовании ещё одного Пистироса, в самом центре Фракии, подкрепляя свои утверждения и мнением ряда специалистов из США и ЕС – но то вопрос, требующий специального рассмотрения. Однако он явно подчинялся некое время правителям Одрисов.

Слово «эпаулисты» без истолкования Г. Михайлов просто характеризовал как *hаrах* [Mihailov, G. 1997, p. XLIV], а В. Велков и Л. Домарадска [Велков, В., Домарадска, Л. 1995, с. 81–82] сочли его производным от *έπαυλος* – «хлев, кошара, жилище» и ситуацию трактуют весьма своеобразно. Эсхил наблюдал фракийские села, оказавшись под командованием Кимона в 475 г. до н. э. в низовьях Струмы. В трагедии «Персы» [Aisch. Pers. 869] он так называет, возможно, неукрепленные селища фракийцев, состоявших из дворищ – с домами хозяев и хлевами для скота. И таким образом преемник Котиса якобы обязался эпаулистов к эмпоритам не подселать, а просто «не посылать». Почему-то забылся выделенный Д. П. Димитровым *έπαύλιον* [Димитров, Д. П. 1958, с. 690]. В раннеэллинистическую эпоху укрепленные поселения (*κομαί ή έπαύλια*) отмечены в малоазийской Ионии, по данным Полибия (IV, 4, 1) эпаулион близ Мессены на Пелопоннесе был взят штурмом с применением лестниц. В общем, термин явно обозначал укрепленную виллу, служившую, при необходимости, и резиденцией. У одрисских царей резиденции долгое время замещали подобия малоазийских «башен» (*πύργος* или же *τύρσις*), наблюдавшиеся Ксенофонтом и его товарищами [Димитров, Д. П. 1958, с. 683–702]. Мне представляется, что у самих фракийцев являлось значимым понятие *αυλή* – с греч. «двор, зал», возможно, и «дворец». Болгарские преемники горных фракийских скотоводов кое-где сохранили это греческое по происхождению слово для обозначения своих хлевов [Вакарелски, X. 1974, с. 299–303]. Открытие договора из Пистироса предполагает обозначение царской резиденции термином «эпаулион»?

Полагаю, что в тексте договора эпаулистами названы обитатели царской «ставки», служившие и охраной, и функционерами примитивного одрисского «государственного аппарата». Среди гарантий полнейшей автономии эмпория Пистирос оговаривался и важнейший момент – невмешательство царской администрации во внутренние дела колонистов.

...Достаточно проблемным остается вопрос, когда же именно Одрисское «сложное вождество» уподобилось ранней государственности, граница между этими социально-политическими состояниями является зыбкой и не воспринимается однозначно. Так, в соответствии с инновационными теоретическими заключениями этнолога-востоковеда Н. Н. Крадина Одрисская государственность вопреки утверждениям фракологов никак не может претендовать на такой статус – не более признания «высшего вождества», однажды оформившегося из нескольких «простых» (сохранявшихся конфедеративно внутри – даже при подчинении Одрисам племенные союзы трибаллов и гетов сохраняли собственную институцию «царской» власти). Аналогичнономадам хунну южнофракийское племя одрисов сумело на месте эфемерной европейской сатрапии Ахеменидов Скудра возвыситься как своеобразный класс-этнос и оформить экзополитарную (ориентированную сугубо вовне) политику. Как то заметил, в частности, Ксенофонт, одрисская элита сама составила военный и гражданский аппарат, а рядовые одрисы – костяк войска. Аналогично гуннам и скифам у фракийцев наблюдалась нежесткая административная централизация, доминирование политики над экономикой, причем в порядке вещей редистрибуция затрагивала прежде всего внешние источники доходов – военную добычу, дань, торговые пошлины и подарки. Будучи слабо развитым экономически, такое общество являлось «спутником» классической античной цивилизации. Ранняя Одрисская держава в наибольшей степени походила не на раннюю государственность, а на суперсложное вождество по образцу ксенократического общества номадов.

Данная статья посвящена определению исторического места древнего общества южных фракийцев – соседей античных эллинов. Одрисская «держава» объединила значительную часть аборигенов Восточных Балкан явно под влиянием исторических примеров Ахеменидского государства (европейская сатрапия Скудра) и Афинского морского союза. Однако, в отличие от земледельческих цивилизаций с высокотоварной экономикой (с акцентом на земледелии) фракийцы остановились на показателях экономики «престижной». Их элита «кормилась» за счет полюдья, «ставки» правителей мало походили на античные полисные города, сами греки причисляли фракийцев к варварам, причем не только по языку. Сравнивая южнофракийскую «государственность» с обществами скифов и гуннов можно убедиться, что все эти племена сформировали системы «сложного вожества» с характерной для них системой ценностей. Фракийское общество не соревновалось с полисными греками в экономическом развитии, просто жило по иным законам и правилам.

Литература / References

Публикации

- Аборигены Кузбасса.** 1997 – Аборигены Кузбасса. Кемерово, 1997 [Aborigeny Kuzbassa. Kemerovo, 1997]
- Арриан.** 1993 – Арриан. Поход Александра / Пер. и прим. Сергеенко М.Е. М., 1993 – [Arrian. Pochod Alexandra / Per. i prim. Sergeenko M.E. M., 1993]
- Антонова, В., Попов, Н.** 1984 – В. Антонова, Н. Попов. Нови данни за ранния халчат в Североизточна България (археологически разкопки на шуменската крепост) – Thracia, VI. С., 1984, 160 – 184 – [V. Antonova, N. Popov. Novi dannii za ranniya hallstat v Severoiztozhna Balgariya (archeologisheski razkopki na Schumenskata krepost) – Thracia, VI. Sofiya, 1984, 160 – 184]
- Блаватский, В. Д.** 1953 – Владимир Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953 – [Vladimir D. Blavatskiy. Zemledeliye v antishnykh gosudarstvach Severnogo Prishernomor'ya. M., 1953]
- Блаватский, В. Д.** 1976 – Владимир Д. Блаватский. Природа и античное общество. М., 1976 – [Vladimir D. Blavatskiy. Priroda i antishnoye obshchestvo. M., 1976]
- Борисов, Б. Д.** 1991 – Борис Д. Борисов. Състояние, проблеми и перспективи на археологически проучвания в района на комплекса «Марица-Изток» – В: «Марица-Изток». Археологически проучвания. Т. 1. С., 1991. 13 – 32 – [Boris D. Borisov. Sastoyaniye, problem i perspektivi na archeologisheski proushvaniya v rajona na kompleksa «Maritsa-Iztok» – V: «Maritsa-Iztok». Archeologisheski proushvaniya. T. 1. Sofiya, 1991, 13 – 32]
- Вакарелски, Х.** 1974 – Христо Вакарелски. Етнография на България. С., 1974 – [Christo Vakarelski. Etnografiya na Balgariya. Sofiya, 1974]
- Васић, Р.** 1985 – Р. Васић. Рец.: Helmut Kroll. Die Pflanzenfunde. Kastanas – Старинар. XXXVI, 1985. Београд, 1985, 242 – [R. Vacich. Rez.: Helmut Kroll. Die Pflanzenfunde. Kastanas – Starinar. XXXVI, 1985. Beograd, 1985, 242]
- Велков, В., Домарадска, Л.** 1995 – Велизар Велков, Л. Домарадска. Котис I (383/2 – 359) и емпорион Пистирос в Тракия – В: Домарадски М. Трако-гръцки отношения (Емпорин Пистирос. Т.1). Пазарджик, 1995, 75 – 87 – [Velizar Velkov, L. Domaradska. Kotys I (383/2 – 359) i emporion Pistiros v Trakiya – V: Domaradski M. Trako-gracki odnoscheniya (Emporion Pistiros. T. 1). Pazardszik, 1995, 75 – 87]
- Венедиков, И.** 1981 – Иван Венедиков. Развитие на земеделието по българските земи. С., 1981 – [Ivan Venedikov. Razvitiye na zemedeliyeto po balgarskite zemi. Sofiya, 1981]
- Винокуров, Н. И.** 1999 – Николай И. Винокуров. Виноделие античного Боспораю. М., 1999 – [Nikolaj I. Vinokurov. Vinodeliye antishnogo Bospora. M., 1999]
- Винокуров, Н. И., Крыкин, С. М.** 1999 – Николай И. Винокуров, Сергей М. Крыкин. К вопросу о фракийском виноделии в первые века нашей эры – Этнографическое обозрение. Москва, №6. 1999, 57 – 68 [Nikolaj I. Vinokurov, Sergej M. Krykin. K voprosu o frakijskom vinodelii v pervye veka nashej ery – Etnografisheskoye obozreniye. Mosqua, №6, 1999, 57 – 68]
- Гаврилюк, Н. А.** 1989 – Н.А. Гаврилюк. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989 – [N.A. Gavrilyuk. Domaschneye proizvodstvo i byt stepnykh skifov. Kiyev, 1989]
- Георгиева, Р.** 1991 – Румяна Георгиева. Поминательная практика во Фракии (конец II – I тыс. до н.э.) – В: Terra antiqua balcanica. VI. София, 1991, 25 – 31 [Rumyana Georgiyeva. Pominalniya praktika vo Frakii (konec II – I tys. do n.e.) – V: Terra antiqua balkanica. VI. Sofiya, 1991, 25 – 31]
- Георгиева, Р.** 1991 – Румяна Георгиева. Проучвания на желязната епоха в района на «Марица-Изток» – В: «Марица-Изток». Археологически проучвания. Т.1. С., 1991, 91 – 104 – [Rumyana Georgiyeva. Proushvaniya na

ranneszelyznata epoha v rajona na «Maritsa-Iztok» – V: «Maritsa-Iztok». Archeologisheski proushvaniya. T. 1. Sofiya, 1991, 91 – 104]

Данов, Х. 1969 – Христо Данов. Древна Тракия. София, 1969 – [Christo Danov. Drevna Trakiya. Sofiya, 1969]

Данов, Х. 1967 – Христо Данов. К вопросу об экономике Фракии и её черноморского и эгейского побережий в позднеклассическую и эллинистическую эпохи. – В: Античное общество. М., 1967, 131 – 138 – [Christo Danov. K voprosu ob ekonomike Frakii i eyo shernomorskogo i egejskogo pobereszij v pozdneklassisheskuyu i ellinistisheskuyu epochi. – V: Antishnoye obshchestvo. M., 1967, 131 – 138]

Димитров, Д. П. 1958 – Д.П.Димитров. За укрепение вили и резиденции у траките в предримската эпоха. – В: Изследвания в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958, 683 – 701 – [D.P. Dimitrov. Za ukrepenite vili i rezidenzii u trakit v predrimskata epoha. – V: Izsledvaniya v chest na akad. D. Deshev. Sofiya, 1958, 683 – 701]

Златковская, Т. Д. 1971 – Татьяна Д. Златковская. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971 – [Tatiyana D. Zlatkovskaya. Vozniknoveniye gosudarstva u frakiycev. M., 1971]

Крадин, Н. Н. 2002 – Николай Н.Крадин. Империя Хунну. Изд. 2. М., 2002 – [Nikolaj N. Kradin. Imperiya Chunnu. Izd. 2. M., 2002]

Краснов, Ю. А. 1971 – Юрий А. Краснов. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971 – [Yurij A. Krasnov. Ranneye zemledeliye i szivotnovodstvo v lesnoj polose Vostoshnoy Evropy. M., 1971]

Крыкин, С. М. 2014 – Сергей М.Крыкин. Греческий эмпорий среди фракийских земель? – Вестник Московского городского педагогического университета (МГПУ). № 3 (15). 2014, 73 – 81 – [Sergej M. Krykin. Gresheskij emporij sredi frakijskich zemelj? – Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta (MGPU). № 3 (15). 2014, 73 – 81]

Крыкин, С. М. 2002 – Сергей М. Крыкин. Проблема возникновения государственности у южных фракийцев – Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. М., – Магнитогорск, 2002, 101 – 113 – [Sergej M. Krykin. Problema vzniknoveniya gosudarstvennosti u yuznykh frakiycev – Problemy istoriyi, filologii, kuljтуры. Vyp. XII. M., – Magnitogorsk, 2002, 101 – 113]

Кузищин, В. И. 1967 – Василий И. Кузищин. Нормы и степень эксплуатации труда сельскохозяйственных рабов в Италии II в. до н.э. – I в. н.э. (Проблема производительности рабского труда и её эволюции) – В: Античное общество. М., 1967, 38 – 45 – [Vasilij I. Kuzistshin. Normy i stepenj expluatacii truda seljskochozyaistvennykh rabov v Italiyi II v. do n.e. – I v. n.e. (Problema proizvoditeljnosti rabskogo truda i eyo evolyucii) – V: Antishnoye obshchestvo. M., 1967, 38 – 45]

Кызласов, Л. Р. 2002 – Леонид Р. Кызласов. Клад земледельческих орудий с надписями XIII века на Верхнем Енисее – Древности Алтая. №8. Горно-Алтайск, 2002. 73 – 88 – [Leonid R. Kyzlasov. Klad zemledeljskikh orudij s nadpisyzmi XIII veka na Verchnem Eniseye – Drevnosti Altaja. № 8. Gorno-Altajsk, 2002, 73 – 88]

Лебедева, Е. Ю. 1994 – Елена Ю. Лебедева. Результаты исследований палеоботанических материалов с меотских памятников Прикубанья – Боспорский сборник. Вып. 5, М., 1994, 108 – 112 – [Yelena Yu. Lebedeva. Rezuljtaty issledovanij paleobotanicheskikh materialov s meotskikh pamyatnikov Prikubaniya – Bosporskij sbornik. Vyp. 5. M., 1994, 108 – 112]

Лисицына, Г. Н., Филипович, Л. А. 1980 – Горислава Н. Лисицына, Л.А., Филипович. Палеоботанические находки на Балканском полуострове – Studia Praehistorica. 4. София, 1980, 5 – 90 – [Gorislava N. Lisitzyna., L.A. Filipovich. Paleobotanicheskkiye nachodki na Balkanskom poluostrove – Studia Praehistorica. 4. Sofiya, 1980, 5 – 90]

Мартемьянов, А. П. 1989 – Алексей П. Мартемьянов. О роли земледелия в экономике фракийских земель в античную эпоху. – Вестник Харьковского университета. № 343. История. Вып. 23. Харьков, 1989, 65 – 70 – [Alexej P. Martemijanov. O roli zemledeliya v ekonomike frakijskich zemelj v antishnuyu epjchu. – Vestnik Charjkovskogo universiteta. № 343. Istoriya. Vyp. 23. Charjkov, 1989, 65 – 70]

Мартемьянов, А. П. 1993 – Алексей П. Мартемьянов. Скотоводство в Нижней Мёзии и Фракии в первых веках н.э. – Вестник Харьковского университета. № 374. История. Вып. 27. Харьков, 1993, 24 – 30 – [Alexej P. Martemijanov. Skotovodstvo v Nisznej Mijozii i Frakii v pervykh vekakh n.e. – Vestnik Charjkovskogo universiteta. № 374. Istoriya. Vyp. 27. Charjkov, 1993, 24 – 30]

Марфунин, А. С. 1987 – А.С. Марфунин. История золота. М., 1987 – [A.S. Marfunin. Istoriya zolota. M., 1987]

Михайлов, Г. 1972 – Георги Михайлов. Траките. София, 1972 – [Gergi Michailov. Trakite. Sofiya, 1972]

Неделчев, Н. 1982 – Н. Неделчев. Към въпроса за аграрните отношения в предримска Тракия. – Thracia Antiqua 8. София, 1982, 21 – 28 – [N. Nedelshev. Kam vaprosa za agrarnite odnoscheniya v predrimska Trakiya. – Thracia Antiqua 8. Sofiya, 1982, 21 – 28]

Неделчев, Н. 1997 – Н. Неделчев. Създаването на държавата на Одрисите – В: Античный мир. Византия (Сборник к 70-летию проф. В.И.Кадеева). Харьков, 1997, 147 – 154 – [N. Nedelshev. Szdavaveto na darszavata na Odrisite – V: Antishnyj mir. Vizantiya (Sbornik k 70-letiyu prof. V.I. Kadeyeva). Charjkov, 1997, 147 – 154]

Неделчев, Н. 1996 – Н. Неделчев. Thracia libera. В. Търново, 1996 – [N. Nedelshev. Thracia libera. V. Tarnovo, 1996]

Николаенко, Г. М., Марченко Л. В. 1994 – Г.М., Николаенко, Л.В. Марченко. Антропогенное воздействие на природу в регионе Юго-Западного Крыма в IV – III вв. до н.э. – В: Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев,

1994, 30 – 43 – [G.M. Nikolaenko, L.V. Marshenko. Antropogennoye vozdejstviye na prirodu v regione Yugo-Zapadnogo Kryma v IV – III vv. do n.e.]

Николов, Д. 1991 – Димитър Николов. Поява и развитие на градовете на Балканския полуостров – В: «Марица-Изток». Археологически проучвания. Т. 1. С., 1991, 83 – 89 – [Dimitar Nikolov. Poyava I razvitiye na gradovete na Balkanskiya poluostrov – V: «Maritsa-Iztok». Archeologisheski proushvaniya. T. 1. Sofiya, 1991, 83 – 89]

Никулицэ, И. Т. 1987 – Иван Т. Никулицэ. Северные фракийцы в VI – I вв. до н.э. Кишинёв, 1987 – [Ivan T. Nikulitse. Severnyye frakijcy v VI – I vv. do n.e. Kischinyov, 1987]

Подгородецкый, П. Д. 1984 – П.Д. Подгородецкый. Природа Западного Крыма в античную эпоху – В: Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1984, 11 – 29 – [P.D. Podgorodeckij. Prigoda Zapadnogo Kryma v antishnuyu epochu. Kiyev, 1984, 11 – 29]

Попова, Ц. 1991 – Цв. Попова. Палеоботанични изследвания на археологическите обекти в Североизточна България. – Археология. София, 1991, №2, 49 – 53 – [Tsv. Popova. Paleobotanishni izsledvaniya na archeologisheskite obekti v Severoiztoshna Balgariya. – Archeologiya. Sofiya, 1991, 49 – 53]

Порожанов, К. 1998 – Калин Порожанов. Общество и държавност у траките: средата на II – нач. на I хил. пр. Хр. (В контекста на палеобалкано-западномалоазийската общност) – Studia Thracica VI. София, 1998, – [Kalin Porozhanov. Obschestvo I darszavnost u trakite: sredata na II – nash. Na I chil. Pr. Chr. (V konteksta na paleobalkano-zapadnomaloazijskata obschnost) – Studia Thracica VI. Sofiya, 1998]

Фол, А. 1970 – Александър Фол. Демографска и социална структура на древна Тракия. София, 1970 – [Alexandar Fol. Demografska I socialna struktura na drevna Trakiya. Sofiya, 1970]

Фол, А. 1997 – Александър Фол. История на българските земи в древността до края на III в. пр. н.е. Изд. 2. С., 1997 – [Alexandar Fol. Istoriya na balgarskite zemi v drevnostta do kraya na III v. pr. n.e. Izd. 2. Sofiya, 1997]

Фол, А. 1972 – Александър Фол. Политическа история на траките. София, 1972 – [Alexandar Fol. Politisheska istoriya na trakite. Sofia, 1972]

Христов, И. 1999 – Иван Христов. Планинска Тракия: население, култура и религия в древността. В. Търново, 1999 – [Ivan Christov. Planinska Trakiya: naseleniye, kultura I religiya v drevnostta. V. Tarnovo, 1999]

Jardé, A. 1925 – A. Jardé. Les céréales dans l'antiquité grecque. Paris, 1925.

Mihailov, G. 1997 – Georgi Mihailov. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae (IGBR). Vol. V. София, 1997, № 5557ter – p. XLIII – XLIV, 244.

Mihailov, G. 1970 – Georgi Mihailov. La Thrace et la Macedoine jusqu'à l'invasion des Celtes // Αρχαία Μακεδονία. Ανακοινώσεις κατά τῆς Πρωτοῦ διεθνῆς συμπόσιον ἐν Θεσσαλονικῆ 26 – 29 Αυγούστου 1968. Θεσσαλονικῆ, 1970. P. 76

Съкращения:

ЕТ. 1999 – Румяна Георгиева, Тошо Спиридонов, Мария Рехо. Етнология на траките. София, 1999 – [Rumyana Georgieva, Toscho Spiridonov, Maria Recho. Etnologiya na trakite. Sofiya, 1999]

ИД. 1984 – История на Добруджа. Т.1. София, 1984 – [Istoriya na Dobrudsza. T.1, Sofiya, 1984]

ТД. 1993 – Тракийска древност: кратка енциклопедия. София, 1993 – [Trakijska drevnost: kratka enciklopediya. Sofiya, 1993]